

кр. 84/2Рок = Р4С/6
Н 63

Николай Николаев
**случай
на
маныче**

Артист

У окна моей комнаты залиvisto поет скворец. Присмотришься, как у него дрожит черно-фиолетовая шейка, трепещет тоненький язычок, торчащий из открытого клювика, как в такт песне помахивает он острыми кончиками крылышек, будто сам себе дирижирует, — и проникаешься к солисту несказанным уважением; поет он вдохновенно, ничего не требуя в награду. Часто я начинаю слушать крылатого певца ранним утром. К восходу солнца прилетает он с острова, где с другими сородичами ночует в непролазных камышах.

О чем же его песни?

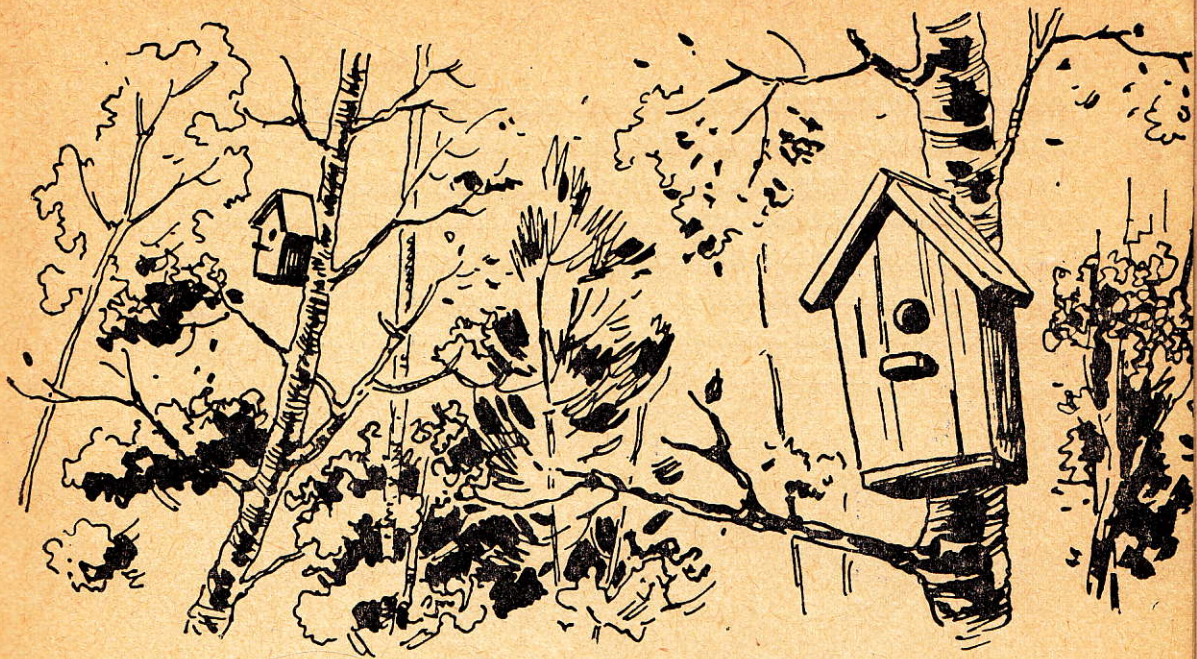
Вот он появился у скворечника какой-то встревоженный, вертлявый. Что-то пискнул, как бы здороваясь с подружкой. Услышав ответное «Чррр! чррр», спокойно уселся на излюбленной веточке, и из его маленького горлышка вырвалось, как говорливый ручеек, нежное щебетание домово́й ласточки.

Затем послышалось резкое, угрожающее: «Чик-чирик! Чик-чирик!» И мне показалось, звук этот издает старый черногрудый воробей, скачущий на одной ножке. Он напыжился, растопырил крылья, готовится сразиться с соперником. Но... нет: это скворец, шутя, настраивает свою скрипку.

Теперь он зазвенел как серебряный колокольчик, мягко, лирично, будто откуда-то с высоты. Передо мной ярко залитое солнцем весеннее поле. В голубых волнах неба ныряет, мель-

тешит певец донских степей — жаворонок, щедро сеет сердечные трели.

Песню жаворонка сменяет призывный клич перепела: «В путь пойдем! В путь пойдем!» В этот призыв вплетается плаксивый писк чубатого чибиса, задающего всем один и тот же вопрос: «Чьи вы? Чьи вы? Чьи вы?»

Неожиданно в эту степную симфонию вплетается кликанье казарок, завидевших воду и снижающихся с неба. Призывно засвистал чирок-свистунок, будто металлической щеколдой защелкала болотная курочка-лысуха, где-то в зарослях кыркнул нырок-поганыш, испуганно тинькнул кулик-бегас. Наконец потонуло все в залихватском цирциканье, в ухарском прищелкивании камышовой славки. Вот это попури над моим окном!

Скворец-импровизатор звуками рисует пробуждающееся

озеро. Но проходит всего только минута — и я в зеленом прохладном лесу. В густой чащобе по-кошачьи взвизгнула иволга, совсем близко на бересте загомонили встревоженные щеглы, где-то на оголенной веточке вяза, тоненько тянет мелодию канарейка, томно перекликнулись горлицы и вдруг, будто ударили по невидимым струнам, «защелкал, засвистал на тысячу ладов» царь лесных песенников — соловей.

Щедр на песни скворец!

